

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(47).083

А.В. Луценко

А.А. БОГДАНОВ О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА В XX ВЕКЕ

Рассматривается проделанное основоположником методологии системного анализа Александром Александровичем Богдановым (1873–1928) исследование процессов перехода западноевропейского капитализма в «финансовую» фазу развития в первой четверти XX в. С позиций тектологии в статье оценивается связь финансового капитала с милитаристскими группами и государственной бюрократией, характеризуются перспективы развития общества под воздействием данного триумвирата экономических и политических сил. Особое внимание уделено обстоятельствам возникновения мирового военного кризиса 1914–1918 гг. и следующей за ним «военно-коммунистической» трансформации социальной системы.

Ключевые слова: тектология, системный анализ, финансовый капитал, милитаризм, военный кризис, интеллигенция.

В начале XX в. авторитетные европейские экономисты задались целью разобраться в механике перерождения «старого» капитализма (с господством свободной конкуренции) в «новый» – с интенсивным вмешательством банков в управление промышленностью. Результатом исследований был вывод: после кризиса 1900 г. активные деловые связи банков с производством товаров окончательно закрепились и привели к рождению новой формы капитала, названного теоретиком австромарксизма Рудольфом Гильфердингом (1877–1941) «финансовым» [1. С. 339]. Гильфердинг настаивал на универсальном характере финансовых институтов, придававших капитализму вид «организованного», что, по мнению исследователя и его единомышленников, говорило о «зрелости» этой новой формации для замены ее социализмом [2].

Родоначальник системного анализа А.А. Богданов (1873–1928) возражал: хотя и невозможно отрицать то, что «фазу финансового капитализма буржуазное общество развернуло вплоть до крушения за каких-нибудь 15–20 лет» [3. С. 107], как и то, что экономическая власть финансового капитала велика, а поле ее применения чрезвычайно широко, тем не менее его *реальная организующая функция* так же слаба, как и связь его элементов, которая очень похожа на «вассально-сюзеренные отношения слабо спаянных феодальных группировок» [4. С. 432]. Поэтому возникновение мировых военных кризисов в XX веке и непохожесть их на все те, что возникали раньше, Богданов связывал не просто с агрессивным характером целей соперничающих между собой в мировом экономическом пространстве всемогущих финансовых магнатов, а – в первую очередь – с непрочностью

интернациональных связей потребительного рынка, компенсированной появлением еще одного рынка – милитаристского, что неотвратимо вело к переходу финансового капитализма в новую фазу, весьма далекую от социализма, – фазу военно-коммунистического развития капиталистического общества [4. С. 439].

Этапы этого перехода А.А. Богданов рассмотрел в ряде статей, а также в приложении III к «Тектологии» под названием «Элементы организационной динамики капитализма XX в.». По мнению ученого, к концу XIX в. мировая конъюнктура сложилась так, что кредитный капитал, который «был, в общем, слабее промышленного», «до крайности» понадобился производственному делу [4. С. 430]. Богданов связывал это с тем, что «техническая неоднородность» и «материально-массивная форма» промышленных предприятий (здания фабрик и заводов, производственное оборудование, запасы сырья, склады полуфабрикатов и готовой продукции и т. д.) ограничивали подвижность индустриального капитала в расширении бизнеса, в то время как банковский капитал «с его по преимуществу символической формой» и организационной мобильностью мог оказать кредитную поддержку в решении проблем частного предпринимателя – и технически переоснастить производство, и переждать неблагоприятные цены, и расширить зону производства и сбыта товаров, и подавить конкурентов, и многое другое, позволяющее бизнесу здравствовать в ситуации острой борьбы за рынок. Что касается банков, то их интерес, по мысли Богданова, заключался в интенсификации кредитного обращения, служившего главным источником процветания финансистов.

Обоюдная заинтересованность хотя и была очевидна, но не получила реализации на паритетных началах: «по закону спроса – предложения экономически сильнее тот из двух контрагентов, который нужнее для другого» [4. С. 430]. А в тандеме «производство – банк» перевес силы оказался на стороне «денежных мешков». Поскольку кредитный капитал организовывался и объединялся – «по своей гибкости» – гораздо быстрее промышленного, к тому же острота конкуренции слабо влияла на его рост из-за предельно высокой востребованности, то, по мнению Богданова, в результате «мало-помалу» создалось «положение, при котором он стал в общем диктовать условия. А раз это случилось, дальнейшее развитие руководящей его роли пошло с возрастающей скоростью – каждый шаг был уже легче предыдущего. На этой основе и произошло “срастание” обоих типов капитала» [4. С. 431].

Именно это организационное преобразование позволило меньше чем за два десятилетия полностью изменить весь капиталистический мир – как внешне, придав городам ухоженный вид, так и внутренне, поделив национальную экономику на сферы влияния между сверхбогачами. При этом «прежняя широкая конкуренция сменилась борьбой монополистов» [3]. Все это происходило, как отмечал Богданов, на фоне полнейшей капитуляции государственных властей перед господством денег: «Экономическое давление миллиардов одинаково легко справлялось и с демократическими, и с либерально-конституционными, и с самодержавными формами: за кулисами парламентов, как и за спинкой трона монархов, одинаково действовало непреодолимое внушение клики финансовых дельцов; и в каждой стране власть народная, или ненародная, в конце концов, признавала за благо то, на чем сходились интересы руководящих групп нескольких гигантских концернов» [4. С. 432].

Однако в рамках национальных экономик финансовым воротилам довольно скоро стало тесно, и тогда последовательно, шаг за шагом, начала осуществляться смена социальных технологий ради сохранения и укрепления господства олигархов в капиталистическом мире. Неизбежным следствием алчности и стремления финансовых гигантов ко всевластию явилось «небывало ускоренное развитие милитаризма. Два момента заставляли финансовый капитал всеми силами толкать государство по этому пути: во-первых, потребность в армии, как орудии непосредственного захвата рынков или политического давления в международно-торговых переговорах, и, во-вторых, возможность создавать из милитаризма основу колос-

сального дополнительного рынка» [4. С. 432]. А.А. Богданов первым обратил внимание на эту особенность в развитии финансового капитализма, давшую толчок для формирования *новой капиталистической системы*, возглавляемой триумvirатом элит – финансово-олигархической, государственно-бюрократической и милитаристской (военно-силовой). Эту организацию общественной жизни Богданов определил как «*буржуазно-милитаристское государство*» [5], в котором военно-силовому комплексу отводилась особая роль, благодаря чему спустя совсем короткое время армия стала представлять собой «миллионный коллектив со всею массою его технических средств, плюс огромный экономический аппарат обслуживающих ее предприятий» [4. С. 434]. Эта «обширная потребительская коммуна», живущая «в общих казармах», получающая «общий стол, казенную одежду и снаряжение», в мирное время упорно воспринималась экономически активным трудовым населением как структура «объективно-бесполезная для общества» [6. С. 335], что, по мнению Богданова, было справедливо: армия, привлекая в свои ряды молодых здоровых людей, делала из них потребителей, не участвующих в созидательном хозяйственном процессе, поскольку милитаризм «по природе своей непроизводителен, предложения не увеличивает, т. е. представляет чистый дополнительный спрос» [4. С. 432], удовлетворяемый через расширение рынка, в чем более иных были заинтересованы именно финансовые дельцы.

Следует особо отметить, что в случае с армией не простое «расширение *потребительного* рынка, а <...> в силу цепной связи отраслей такое расширение означает во много раз большее расширение рынка в целом» [4. С. 432], опирающееся на интенсивное развитие индустрии, – горной, металлургической, транспортной и прочих необходимых для вооружения армии отраслей хозяйства, приносявших олигархам баснословные барыши и в то же время ставших самой затратной статьей бюджетных расходов, – и все ради готовности армии в любое время «перейти в действие» как внутри, так и за пределами страны для защиты интересов и господствующего положения финансовых магнатов [4. С. 434]. Главным парадоксом такого способа формирования «системы вооруженного мира» [4. С. 434] явилось неожиданное терпимое отношение олигархов к государственному регулированию в самых широких масштабах. Если раньше крупные собственники бескомпромиссно отстаивали принципы свободного рынка и невмешательства государства, то в случае промышленного кризиса в буржуазно-милитаристском государстве заботы по спасению положения

брали на себя не олигархи-владельцы предприятий, а национальное правительство: оживляющую роль в экономике начинали играть военные и продовольственные госзаказы. Это вело к регулируемому перераспределению в обществе материальных выгод и потерь, при котором все издержки падали тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков, а колоссальная прибыль доставалась самым заинтересованным в развитии милитаристского рынка как средства, избавляющего сверхбогачей от разорения в кризисный период. Акцентируя внимание на этой характерной особенности времени, А.А. Богданов резюмировал: «Рост милитаризма приобретал значение самостоятельного экономического фактора, уже не второстепенного, а первоклассного по масштабу, хотя, конечно, производного по генезису» [4. С. 432].

Этот процесс не мог не сопровождаться деформациями в идеологии социума «накоплением общественной энергии в формах милитаризма», названных Богдановым дополнительными «специальными силами давления», которые проявляли себя в постепенно нараставшей пропаганде насилия, ксенофобии, реваншизма и т. п. способов выражения неуправляемо распространявшейся агрессии в массах, какой ранее в таких масштабах не наблюдалось «в передовых странах» [3. С. 434]. Государство, чтобы оправдать в глазах налогоплательщиков высокие расходы на «обороноспособность» армии, не только не пресекало распространение деструктивной идеологии, но и всячески способствовало разжиганию «маленьких победоносных войн» с заведомо более слабыми противниками.

В тектологическом анализе Богданова этот феномен имел следующее объяснение: значительная часть противоречий капиталистической экономики – прежде всего, таких, как конкуренция, перепроизводство, кризисы и сопутствующие им банкротства, безработица и обострение классовой борьбы, – устранить могла только война, потому что именно она «создает колоссальный дополнительный рынок для товаров и такой же спрос на рабочую силу; этим приостанавливается действие всех тех отрицательных условий, которые порождаются ограниченностью рынка в обоих его областях, его анархическими, стихийными расширениями и сужениями. Капитал, в худшем случае – ценой перемещения в отрасли, нужные для войны, – перестает страдать от конкуренции других капиталов, от недостаточности спроса и от понижения цен; работник же – от конкуренции других рабочих и от безработицы» [7. С. 317]. Таким образом, «маленькая» война могла разрешить большие проблемы, временно погасив негативные процессы в общественно-экономическом состоянии любой из

тех стран, на горизонте которых маячил кризис перепроизводства не только товаров, «но и *организованных человеческих сил*» [4. С. 435], поглотить которые способны были лишь армия и расширяющийся национальный военно-промышленный комплекс.

В условиях приближавшегося военного кризиса государство начинало действовать «по линиям наименьшего сопротивления, а не по тем, на которых должно встретиться наибольшее сопротивление. Поэтому легче всего возникают войны между гигантами и пигмеями, и всего труднее – войны между великими державами. Параллельный рост их вооружений увеличивал общую сумму милитаристических сил давления, но в то же время мешал им вырваться на свободу» [4. С. 434], что тем не менее не служило гарантией сохранения мира – и на то были свои веские причины, скрытые в самой сути милитаризма, поставленного на службу алчному финансовому капиталу. Смысл растущего милитаризма долго не обнаруживал себя, потому что в разгар кризиса, безработицы и последовавшей за ними подготовке к «маленькой» войне государство с одобрения собственников стало, вроде бы, поворачиваться лицом к национальным проблемам, «делать многочисленные и огромные заказы предприятиям различных отраслей производства, а также скупать массу товаров из их прежних запасов, платя за все деньгами, хотя бы и бумажными. Эти предприятия расширяют производство, а за ними другие – их поставщики и т. д., по всей цепной связи механизма. Увеличенное обращение товаров и денег оживляет кредит. Рост зарплаток, вместе с заменяющими, а частью дополняющими их государственными пособиями семьям призванных, расширяет потребление масс, а рост прибылей – потребление капиталистов. Каждый шаг по этому пути служит толчком к дальнейшим шагам, и оживление нарастает быстро, вначале даже “лавинообразно”, т. е. со все большим ускорением <...>. Таким образом, <...> прибыль возрастает в поражающей прогрессии» [4. С. 436].

Столь высокий темп экономического подъема сохранялся и при начавшейся войне, сразу менявшей ситуацию во всем капиталистическом мире, так как и «в странах не воюющих экономический процесс развертывается приблизительно так же» [4. С. 436], т. е. война одной страны с заведомо более слабым противником давала стимулирующую встряску всей мировой экономической системе, потому что появлялась «возможность сбывать товары без поисков рынка и за дорогую цену – это, собственно, как раз то, что капитал называет процветанием» [4. С. 438]. Ради такого про-

цветания он готов был присоединиться к военным действиям на стороне одной из участниц бойни, даже если при этом пришлось бы пойти «на ампутацию обширных частей своих экономических владений, тех частей, которые оказывались по другую сторону фронта. <...> Финансисты находили, что временная утрата дани с этих вассалов более чем покроется военными прибылями» [3]. И тогда война, начавшись в одной «горячей точке», находила продолжение на других территориях с участием многих сил. Этой войне непременно должно было предшествовать создание блоков и коалиций, готовых не только «погреть руки» на кровавой бойне, но еще и не допустить при этом усиления кого-либо из соперников на мировой арене. «Таково происхождение мировой войны», – резюмировал А.А. Богданов [3].

Анализ ученого показал, что «всесветный военный пожар», во-первых, непременно станет войной «на истощение», во-вторых, окажется «борьбой двух блоковых групп монополистов», из которых «ни одна не могла уступить, несмотря на явную, с развитием войны, ее разорительность для той и другой стороны: уступившая, хотя бы на умеренных условиях, оказалась бы слабейшей стороной в дальнейшем и была бы обречена заранее на поглощение. Результат – глубочайшее хозяйственное крушение не только побежденных, но и победителей» [3].

Анализ Богданова, изучавшего этапы развития мировых военных кризисов в XX веке, остается по сей день вне поля зрения академической школы. Ученые, занятые исследованием природы войн в общемировом хозяйстве и отмечающие как факт экономическое процветание ведущих стран в самый канун мировых катастроф, упускают из виду значение специфической роли милитаризма. А между тем, по оценке Богданова, зафиксированное учеными процветание стран было лишь «видимым», в то время как скрытый смысл этого явления кроется в принципиально важных особенностях милитаристского рынка, который «не есть потребительный в нормальном значении этого слова, а – *истребительный*: производимые для него продукты обрушиваются в бездну, не оставляя следа в производстве <...>, по мере их потребления умирают <...> “экономически”. Это и есть причина того, что многопроцентные прибыли национального капитала, по мере их сложения, суммируются в убыток: тысячи плюсов складываются в гигантский минус» [4. С. 436].

Война, питаемая милитаризмом, с закономерной неотвратимостью обернется медленно нарастающим дефицитом товаров повседневного спроса и так называемой «военной дороговизной», кото-

рая сама по себе явится объективной разоблачительницей парадоксальности принципов «военного процветания». Подведут черту под этим выводом многомиллиардные выпуски финансовых средств на военные цели. Безудержная эмиссия бумажных денег поведет «к падению их курса, к вырождению их счетной единицы, к огромному номинальному повышению цен» [4. С. 438]. Это, в свою очередь, обернется падением благосостояния населения и нарастанием недовольства политикой ограбления – в том числе отъемом средств даже в неприкрытой форме. Наиболее ощутимо разорительную сторону «военного процветания» чувствуют на себе участники военных займов, владельцы ценных бумаг и вкладчики сберегательных касс: их депозиты со временем «сами собой» аннулируются [4. С. 439].

Все это говорило об одном: чем активнее рос милитаристский рынок, чем больше стране требовалось средств на войну, тем меньше ресурсов оставалось на жизнеобеспечение общества. Во всей капиталистической системе произошло социально-культурное преобразование стран, связанное с последствиями полярной дифференциации общества, достигшей невиданных размеров. Экстремальность ситуации усугублялась не только из-за военных событий, но еще и в результате беспрепятственного «ограбления крупным капиталом промышленным и аграрным всех прочих слоев общества» [7. С. 318]. «Паразитизм верхов, истощение низов» [5] были настолько впечатляющими, что Богданов назвал образовавшийся в буржуазно-милитаристских государствах строй «организацией массового паразитизма и истребления» [6. С. 342]. В этой системе протестные настроения приравнивались к измене и жестоко пресекались, потому что общегосударственный порядок даже в демократических странах получил форму правительственной диктатуры, которая на деле была «олигархией социальных верхов» [5].

При этом чем дальше, тем явственнее вырисовывалась перспектива не только поражения от внешнего врага, но и гибели наций из-за безответственности крупного капитала. Поэтому во всей капиталистической системе за довольно короткий срок актуализировалась потребность в государственном организованном регулировании в виде целого ряда «специальных приспособлений, настолько обширных, сложных и своеобразных, что в сумме своей они могут рассматриваться, как особого рода экономические формации», что явилось «фактом беспримерным в истории» [4. С. 439]. Регулировать приходилось сразу «два параллельных процесса, порождаемые войной»: во-

первых, «государство, как общая организация капиталистических классов, принуждено было, в их общих интересах, обуздывать аппетиты групп, оказавшихся в наиболее выгодном положении, что и выполняло, по мере возможности, при помощи муниципальных, политических, профессиональных и всяких иных наличных организаций» [7. С. 318]; во-вторых, для остальных в целях их выживания, – как ни противоположна капитализму «коммунистическая тенденция» [4. С. 439], – государство вынуждено было ввести нормировку потребления, карточную систему, уравнительную зарплату, социальные выплаты (пайковые по существу), так как «сумма производимых трудовых стоимостей меньше суммы потребляемых» [5], поэтому нормировалось только то, что было в наличии, – а в наличии было «падающее производство» [7. С. 319]. Государству не оставалось ничего иного, как нормировать «по справедливости» и цены товаров, и объемы производства, и массовое потребление, и т. д., «т. е. более или менее проводить в жизнь принцип коммунизма» [4. С. 440].

Однако сама система такого особого управленческого регулирования, названная А.А. Богдановым еще в 1914 г. «военным коммунизмом» [8], по существу дела не имела ничего общего с коммунистической идеологией. Не состоятельны суждения о том, что голод, репрессии и тотальный бюрократический контроль являлись прерогативой исключительно стран с национализированной по рецепту Маркса экономикой. Ученый доказывал, что военный коммунизм внеидеологичен: по мере расширения боевых действий на фронтах, например, Первой мировой войны обнаружилось, что внутри всех воюющих государств продуктовый и товарный дефицит, анархия цен, разгул преступности на почве голода, шпионаж, антиправительственные настроения стали главными проблемами общественной жизни. Первыми на путь введения военно-коммунистических порядков встали страны, самые сильные «и капиталистически, и милитаристически», – сначала Германия, а за ней и остальные участники мировой бойни [4. С. 440, 441]. Позже всех продрозверстка и трудовая повинность вошли в жизнь царской России – в 1915 г., и то не в качестве общегосударственной меры [9. С. 108–109; 10. С. 33, 66, 130].

«Коммунистическое» нормирование – чисто экономическая мера, требующая авторитарного стиля руководства в структурах, ответственно надзирающих за процессом распределения убывающих средств. Этот стиль из-за простоты и эффективности легко получил широкое практическое применение. Формы идеологии при этом опреде-

лялись не столько культурно-историческими факторами, сочетание которых уникально для каждой страны, сколько тем, какой группе принадлежала власть. Население, поставленное угрозой вымирания на колени перед управленцами, оказывалось заложником господствующей идеологии, а она не обязательно была коммунистической. Именно этим обстоятельством объясняется многообразие новой формации. Зато ее обобщающей особенностью следует назвать то, что главной фигурой при военном коммунизме, «деловым организатором капиталистической жизни» неизменно являлась интеллигенция – ученая, техническая и чиновничья, которая из группы «an sich» («сама по себе») постепенно превращается в группу «für sich» («сама для себя») [3]. По мнению Богданова, продолжительность существования новой формации в значительной степени будет зависеть от того, как долго большинство из группы «für sich» станет сохранять готовность «к обращению в верных союзников капитала и даже – верных его слуг» [6. С. 339]. Вероятность «второго издания» военного коммунизма допустима при условии единения группы «für sich» с олигархами на фоне нового витка милитаризма и накопления «военного материала», толкающих капитал на новые интервенции в «слабые» страны [4. С. 446–447].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знаменский и К°, 1912. XXIX, 576 с.
2. Гильфердинг Рудольф // БСЭ: В 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 523.
3. Богданов А.А. Мировая война и революция (доклад). Апрель 1921 г. // РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 32. Автограф.
4. Богданов А.А. Элементы организационной динамики капитализма XX в. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. С. 430–449.
5. Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя (статья). [1918 г.] // РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 43. Автограф.
6. Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 335–344.
7. Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 305–321.
8. Богданов А.А. Общественное сознание в Мировой войне // Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 201–223.
9. Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Кн. XVII. С. 5–169.
10. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Кн. XVIII. С. 5–186.